
УДК 81' 42 [398. 21 : 59 (470. 621)]

ББК 81. 602

Л 68

Ловпаче А.Н.

Аспирант кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета

**Языковые особенности народных сказок о животных
в адыгской лингвокультуре
(Рецензирована)**

Аннотация:

В статье характеризуются языковые особенности, формирующие адыгскую лингвокультуру, и представлены различные языковые средства на лексико-семантическом уровне, способствующие декодированию языка сказок о животных адыгского народа. Полученные результаты раскрывают особенности языкового пространства исследуемых сказочных текстов, отражающих своеобразие образного мышления данного народа.

Ключевые слова:

Лингвокультурное пространство, лексема, кодификация, языковое воплощение, контекст, репрезентация, знаковая структура языка, национальное своеобразие.

Lovpache A.N.

Post-graduate student of General Linguistic Department of Adyghe State University

**Language features of national fairy tales about animals
in the Adyghe linguoculture**

Abstract:

The paper provides the language features, forming the Adyghe linguoculture, and various language means at the lexical-semantic level, promoting decoding the language of the Adyghe fairy tales about animals. The obtained results disclose features of language space of the investigated fantastic texts reflecting an originality of figurative thinking of the Adyghe people.

Keywords:

Linguocultural space, lexeme, codification, language embodiment, context, representation, sign structure of language, a national originality.

В отечественном языкознании актуальность изучения адыгских народных сказок обусловлена тем, что в данном лингвокультурном пространстве с помощью различных языковых средств отражается мировоззрение адыгского народа. Именно «язык «навязывает» своим носителям определенные черты и стереотипы мышления и поведения, тем самым обе-

спечивая преемственность поколений» [1: 95]. Поэтому всесторонний лингвистический анализ текстов сказочного жанра позволяет рассмотреть языковые особенности адыгской лингвокультуры, которая остается до сих пор неизученной.

Национальное своеобразие устного творчества адыгов выражается в описании быта и культуры народа и переда-

че особенностей его языка и мышления. Поэтому закономерно, что одним из ведущих жанров адыгского фольклора является сказка. «Она... является одним из элементов национальной базы, на которой растет и развивается культура адыгских народов» [2: 12].

Следует отметить, что сказка – это прозаическое произведение с установкой на вымысел и счастливый конец. Ни творцы, ни носители адыгского сказочного эпоса заведомо не верят в подлинность событий, изображаемых в сказочных текстах. Несомненный интерес представляет языковое воплощение лексем «пшыс», «пшысэжъ» в адыгской лингвокультуре: «Об этом красноречиво свидетельствует само народное название этого жанра – «пшыс», «пшысэжъ», означающее «вымысел, старый вымысел». На это указывает и бытующая до сих пор формула упрека «пшысэ къэмылуат» – «не рассказывай сказку», адресуемая человеку, говорящему явную ложь» [3: 8].

Однако наличие вымысла в сказке не отрицает ее связи с жизнью. Отражая реальную действительность, она подвергается языковой кодификации и своеобразной трансформации, чтобы передать историю и быт народа, его желания и стремления, традиции и этикет.

Таким образом, создавая сказки, адыги обращались к безграничным возможностям народного языка, находя в нем неисчерпаемый источник языковой выразительности. По утверждению исследователя адыгского фольклора А.И. Алиевой, «... в процессе многовекового исторического бытования этот жанр выработал свою систему стереотипных изобразительно-выразительных средств» [4: 256-257].

По классификации исследователя адыгских сказок Ш.Х. Хута, «жанр адыгской сказки подразделяется на шесть видов, отличающихся по своему генезису, системе образов и художественным достоинствам. К ним относятся: 1) сказки о

животных; 2) волшебные сказки; 3) бытовые новеллистические сказки; 4) небылицы; 5) кумулятивные сказки; 6) докучные сказки» [5: 117].

Согласно заданной проблематике в статье рассматриваются языковые особенности народных сказок о животных. И поэтому в основе нашего исследования лежит декодирование языка адыгских сказок о животных как древнейшего вида народного эпоса, формирующего лингвокультурное пространство данного народа.

Как показало исследование практического материала, репрезентация адыгской лингвокультуры представлена языковыми средствами на разных уровнях. Доминирующая роль отводится основной знаковой единице языка всего «означаемого» – слову, которое способно передавать оценочность. Именно благодаря возможностям «ближайших» и «дальнейших» значений, адыгские сказки о животных получают несомненную ценность в языковом воплощении, располагающем богатым арсеналом экспрессивно-окрашенных знаковых структур языка.

Так, в частности, результаты проведенного анализа языкового материала подтверждают, что адыгский национальный колорит воспроизводится с помощью широкого пласта языковых средств, таких как эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворение, гиперболы, ирония и т.д., передающих тонкость, глубину и высокий уровень адыгской лингвокультуры.

Анализ практического материала свидетельствует о том, что среди языковых средств, отражающих адыгскую лингвокультуру, центральное место занимают эпитеты, которые передают красочность и выразительность образного мышления адыгов. Эпитеты в исследуемом эмпирическом материале не только выделяют героя, описывая наиболее значимые черты его характера или внешности, но и воссоздают национальный колорит адыгского народа.

Примечательно, что в адыгских

сказках о животных подробные описания портретов героев не встречаются. Чаще всего приводятся мелкие детали, являющиеся отражением социального положения. Например: *шъузэбэ тхьамыкI* [7: 26] – (бедная вдова); внешних признаков чего- или кого-либо: *пкIыхьыпIэ гъэшIэгъон, дахэ* [6: 277] – (интересный, красивый сон).

В адыгских сказках о животных часто употребляются и сравнительные обороты. Уподобляя одно другому, сравнения выявляют и усиливают некий общий признак, который может оставаться и не названным. Например:

– *Сыда тцым фэдэу узкIыщыльыр?* [7: 26]. – (Что ты лежишь, как царь?) (здесь и далее перевод автора).

В приведенном примере наречие-определение «фэдэу» – «подобно» образует наиболее явную и многочисленную группу сравнительных конструкций с использованием вспомогательного слова.

Другую лексему, выступающую в роли вспомогательной, – «хабзэ», дословное значение которой – «обычай», в анализируемом контексте правильнее будет переводить «подобно тому, как заведено». Однако частота и сфера употребления лексемы «хабзэ» в текстах данного вида сказок существенно уже, нежели лексемы «фэдэу». Например:

– *Тыгъопчыхъэ шъузэшхэхэ нэужым, зэрэшъуихабзэу, орэди къэшъуIагъп, пшыси къэшъуIотагъэп* [6: 272]. – (Вчера, после ужина, вы ни песен не пели, ни сказок не рассказывали, как у вас заведено).

В адыгских сказках о животных представлены также сравнительные конструкции с установкой на соизмерение одного с другим при выделении как сходных, так и отличных признаков. Наиболее многочисленную группу образуют сравнения с частицей «нахь» – «больше». Полный вариант «нахьи нахь» – «намного больше» в исследуемых текстах встречается редко. Например:

– *Олахъэ шъыпкъэм! О къыохъуIагъэр нахь гукъэошху. Тэ ти гукъао нахьи ар нахь иныIу* [6: 273]. – (И то правда! То, что случилось с тобой, бо'льшая беда. Это намного больше нашего горя).

Как показал анализ практического материала, в адыгском животном эпосе, наряду с эстетически значимыми, встречаются и метафорические выражения, обретающие образность именно в сказочном контексте. В обиходной речи подобные слова, на первый взгляд, иногда теряют характерную для метафоры экспрессивную выразительность, однако сказочный контекст способен возрождать изначальную семантическую силу воздействия. Например:

Цыгъомэ... ятхъаусыхэ чэтыу хъаджэр ыгъэгумэкIыщтыгъэ пшIошIа! Ащынэ лъэр къытельэдагъэу, ыльабжъанхэр кIахъэу къыхигъэщыгъэх [6: 279]. – (Разве волновали предводителя котом жалобы мышей! Когда глаза его наполнились кровью, он выпустил свои длинные когти).

Описывая состояние животного, метафора в приведенном примере имеет форму сочетания существительного с глаголом, наиболее распространенную в исследуемых текстах.

Олицетворение – наиболее яркий и характерный прием, используемый в адыгских сказках о животных. Это объясняется близостью адыгов к природе и животному миру, благодаря которой народ духовно и эстетически обогащался. Таким образом звери в адыгских сказках не только ведут человеческий образ жизни, но и общаются как люди, посредством живого разговорного языка. Причем интересно, что язык героев животного эпоса передает специфические черты людей разных сословий, что часто выражается с помощью индивидуализации их речи. Так, в сказке «ТхьакIумкIыхьэр, баджэр, тыгъужьыр» – «Зайчиха, лиса, волк» речь зайчихи резко меняется в зависимости от того, с кем она разговаривает. В обращениях к зайчатам она нежная и ласковая.

Например:

– *А синэскурэ-нэскурэх, а синэску-рэжъых, шъуанэ къэкложъыгъ, пчээр къылушъухи къижъугъэхъажъ* [7: 22] – (... пришла ваша мама, откройте дверь и впустите ее).

В разговоре с медведем зайчиха – почтительная и заискивающая. Напри- мер:

– *О тхъэмэтэ маф! Алахъэм ынэ-шлу къытицэф! Силахъылы горэ мы мэзым цэпсэу, лъэшэу ар непэ хъадэлу сым цылэ силоигъуагъ, ац нэмыкIэу зи тызажэрэ цылэн* [7: 25]. – (О, уважаемый! Да сохрани тебя Бог! Один мой родственник живет в этом лесу, мне очень хотелось, чтобы он был сегодня на похоронах, кроме него нам некого ждать).

Как видно из приведенного контекста, характер речи героев определяется преследуемыми целями и образом жизни, который они ведут. Примечательно, что звери, олицетворяющие трудолюбивых людей, изображаются добрыми, чуткими, находчивыми, помогающими друг другу и исполняющими обычаи адыгского народа. Соответственно этому и речь их в тексте передается с помощью образных выражений и традиционных форм приветствия, благопожелания, уважения к старшим (на примере обращения лисы к старой мудрой сове):

– *О зимафэр мэфишгъэ хъун усэрэжъ! Тыцэлэфэ ори плъэкъи шъуицъитхъу тэ тIо зэпытын, къытаIу бзэд-жэшIэ мэхъаджэу тилым тызэрте-кIоцтыр!* [7: 24]. – (Да продлятся твои дни, провидица! Пока живы, будем превозносить тебя и твой народ, подскази, как нам победить злого разбойника!).

Также интерес представляют гиперболы, использующиеся в адыгских сказках как выразительные средства языка и функционирующие для преувеличения способностей и свойств тех или иных живых существ, предметов, явлений. Например:

Зэшищымэ зы цуихо яIагъ... Ар ин дэдэу цытыгъ. Къушъхьиблымэ атет

уцыр ежъ зы чIыпIэ итэу ыхъуцтыгъ. Марти, Пцыци, ПкIашъи зэрээхэтэу дэтыпсыр фикъуцтыгэн. Лаби, Шъхъа-гуащи къаубытыцтыгээн [6: 265]. – (Был у трех братьев бык, такой большой-пребольшой, что стоя на одном месте, он пасся на лугах семи гор, пил воду рек Марты, Пшиша, Псекупса, Пчаша, Лабы и Белой).

Как видно из приведенного приме- ра, акцентируя внимание на тех чертах животных, которые не могут быть опреде- лены посредством эпитетов, - в данном контексте огромные размеры – гипербо- ла служит дополнительной характеристи- кой, помогающей наиболее полно и кра- сочно раскрыть описываемые признаки.

Примечательно и то, что адыгские сказки о животных часто имеют притче- вый характер. В них содержится мораль и назидание, выражающие гибкий ум адыг- ского народа в форме меткого остросло- вия. Например:

– *Джары, тцы аслъан хъэкIэ-къуакI, къарыу закъокIэ пилэн цылэн, акъылрэ къолайрэ пхэмылгъэу!* [7: 22]. – (Вот видишь, лев, царь зверей, одной си- лой ничего не добьешься, если у тебя нет острого ума и ловких рук!).

Как видно из приведённого эм- пирического материала, особенностью эмоционально-оценочной лексики языка адыгских сказок о животных является то, что эмоциональная окраска «накладывает- ся» на лексическое значение слова, но не сводится к нему: денотативное значение лексем осложняется коннотативным.

Кроме того, в исследуемых текстах широко используется ирония, обычно создаваемая путем воспроизведения не- лепых ситуаций, в которые попадает от- рицательный герой в результате ответ- ных действий более слабого животно- го. Посредством иронии высмеиваются и различные общечеловеческие пороки, ко- торыми в данных контекстах наделяются животные. Например:

– *Адэ, атакъ, сизакъоу сыкъэбгъани*

зыбгъэбылгыжыгъа? – ылуи, чэткъур-
тэр къеупчыгъ – (Что же ты, петух, оста-
вив меня одну, спрятался? – спросила на-
седка..)

– Ош!а, а бгъаихъор анахъ ябгъэу,
анахъ цынагъоу сашъхагъ къыбыбэгъэ
закъор арыгъэ! – ылуагъ атакъэ шъха-
щытхъужъым – (Да будет тебе извест-
но, что это был самый злой и страшный
орел, который когда-либо пролетал над
моей головой! – сказал петух, оправдывая
себя) [6: 274].

Как показало проведенное лингви-
стическое исследование адыгских сказок
о животных, национальное своеобразие
в анализируемых текстах обнаруживает-

ся на всех языковых уровнях, однако наи-
более полная его реализация наблюдает-
ся на лексико-семантическом уровне, так
как именно слова вбирают в себя народ-
ное восприятие и оценку окружающего
мира. Это доказывают широко используе-
мые в сказочных текстах эпитеты, срав-
нения, метафоры и гиперболы. Таким об-
разом, можно сделать вывод, что богат-
ство и выразительность языкового про-
странства в рассматриваемом виде сказок
обусловлены исторической действитель-
ностью адыгских народов, нравственно-
этическими ценностями, художествен-
ными традициями и особенностями адыг-
ской лингвокультуры.

Примечания:

1. Казакова О.М. Национальный менталитет в языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 174 с.
2. Национальный архив РА. Ф. Р-1127. Оп. №1. Д. №148. Протокол №3 заседания сектора литературы и фольклора АРИГИ. 21 мая 1975 г.
3. Хут Ш.Х. Сказания и сказки адыгов. М.: Современник, 1987. 320 с.
4. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 287 с.
5. Хут Ш.Х. Адыгское народное искусство слова. Майкоп.: Адыг. респ. кн. изд-во, 2003. 536 с.
6. Адыгэ пшысэхэмрэ тхыдэжхэмрэ. Ят1онэрэ тхыль / Ю. Лъэустэнымрэ, А. Хьадэгъал1эмрэ агъэхъазырыгъ. Мыекъуапэ: Адыгэ тхыль тедзап1, 1955. 285 н.
7. Адыгэ пшысэхэр / зэхэзыгъэуцагъэр Х.Ш. Хут. Мыекъуапэ: Краснодарскэ тхыль тедзап1эм и Адыгэ отделение, 1990. 232 н.